

И. Г. Савченко
В красном стане
Зеленая Кубань

1919

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ

МЕМУАРЫ

Илья Григорьевич Савченко
В красном стане. Зеленая
Кубань. 1919 (сборник)
Серия «Военные
мемуары (Кучково поле)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29856607

*В красном стане. Записки офицера; Зеленая Кубань. Из записок
повстанца: Кучково поле; Москва; 2016*

ISBN 978-5-9950-0552-0

Аннотация

Мемуары Ильи Савченко – это воспоминания белогвардейца, оказавшегося в окружении красных. Чудом избежав плена и смертной казни, автор проникает в ряды красного командования, продолжая тешить надежду на свержение новой власти. Оставшийся верный своим убеждениям и поступающий по совести, Савченко становится одним из активнейших деятелей готовящегося восстания. Большевики раскрывают белый заговор, и автор уходит к повстанцам, с которыми после ряда поражений скрывается в Грузии. Все происходящее он описывает с потрясающей искренностью, ярко и динамично.

Содержание

О записках белого подпольщика	5
В Красном стане. Записки офицера	36
Часть первая[10]	36
I. Приезд в Екатеринодар. – Вокзал. – Эвакопункт. – Американский лазарет. – Начало эвакуации. – Бунт раненых. – Плен	36
II. Батарея у собора. – Красные визиты. – Сотрудник политотдела. – Буденовец. – Комиссар Сибири. – Газета «Красная Кубань». – Лазаретные митинги. – «Азбука коммунизма». – Выписка из лазарета	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Илья Савченко

**В красном стане. Записки
офицера; Зеленая Кубань.**

Из записок повстанца

© Оформление. ООО «Кучково поле», 2016

© Посадский А. В., вступ. ст., 2016

О записках белого подпольщика

Офицерские мемуары – это своего рода визитная карточка русского зарубежья. Огромный свод воспоминаний активных участников Белого движения, гражданских беженцев, государственных деятелей и деятелей культуры позволяет почувствовать «потонувший мир», по выражению Б. А. Энгельгардта, русской военной и в целом дореволюционной жизни. Воспоминания писались по-разному, пока все живо в памяти или спустя время. Кто-то из белых вождей сразу взялся за перо. В 1921 году стали выходить знаменитые «Очерки русской смуты» А. И. Деникина. В том же году П. Н. Врангель опубликовал свои «Записки». Название подчеркивало, что это не воспоминания постфактум, а лишь заметки по ходу: жива была надежда на продолжение борьбы, на «весенний поход».

Многие старые офицеры оставляли фундаментальные воспоминания о всей своей офицерской жизни, вели долгую переписку с рассеянными по миру однополчанами, скрупулезно выясняя, кто где, каковы судьбы тех или иных сослуживцев. Это делалось потому, что в межвоенный период многие считали, что когда-нибудь Россию придется возродить едва ли ни исключительно по живой памяти и традиции; считалось, что большевиками уничтожены все архивы, весь тот материальный запас, который наработала русская

военная культура. Оттого и возник позыв сохранить в мельчайших подробностях сам военный быт, назвать как можно больше имен, сохранить саму ткань прежней военной жизни, традиции полковой семьи.

Некоторые мемуары блистательно изложены, талантливо беллетризованы. Достаточно вспомнить Н. А. Раевского, С. Я. Эфрона, Ю. А. Рейнгардта.

Многие лагеря Гражданской войны оказались более или менее безмолвны. Крайне мало свидетельств из повстанческого лагеря. Неписьменный был народ. Существуют фантазийные воспоминания киевского атамана И. Струка, которому посчастливилось живым выбраться за границу. А в основном эта среда «молчит». Немного сохранилось и неподцензурных свидетельств тех из офицеров, которые неволей, не сочувствуя революции, оказались в Красной армии.

Мы рассуждаем на тему о природе мемуаров оттого, что выделить чем-то очередные, публикуемые впервые или републикуемые, воспоминания нелегко. Слишком высока конкуренция остро интересных и содержательных текстов. Однако текст Ильи Савченко и на весьма впечатляющем фоне имеет свои уникальные черты. Это воспоминания белого офицера, который в тифу, при развале деникинского фронта попал в плен к красным, оказался в РККА и с самого начала планировал уход к кубанским повстанцам. Воспоминания написаны в 1920 году, сразу как автор вырвался за рубеж. Итак, на лицо нестандартность ситуации: на положении

красного командира автор внимательно слушает, запоминает и делает это с позиции противника, а не приспособленца; свежесть впечатлений – вот что делает интересными воспоминания Савченко.

Автор пишет последовательный очерк отрезка своей жизни от мартовских дней на Кубани, когда отступали белые войска, до своего ухода в горы, как можно понять, в конце июля или начале августа того же года.

Иногда в повествовании появляются отсылки к более ранним событиям, хотя их немного. Ни о своей предыдущей службе, ни об участии в повстанчестве автор не распространяется. Красный стан 1920 года – вот предмет его внимания. Про повстанческую борьбу на Кубани он написал отдельную работу «Зеленая Кубань», которую читатель найдет в настоящей книге. Однако в «Красном стане» содержится гораздо больше личного, в этом произведении больше авторской оценки описываемых событий.

Попробуем выстроить пунктир биографии автора. Он говорит о себе весьма скупое, но некоторые черточки все-таки позволяет подметить. Савченко называет себя донцом, есаулом, который служил в Донской армии с 1918 года, в том же году был ранен. Служил в 26-м конном полку, в зимних, 1919–1920 годов, боях на Маныче был уже старшим оперативным адъютантом штаба 4-й Донской конной дивизии¹.

¹ Дивизия была сформирована летом 1919 года из конной группы в составе 2-го Донского Отдельного корпуса, затем пребывала в составе Сводно-Донского

Насколько можно понять, Савченко проходил и дореволюционную военную службу. В то же время он университетчик, знакомого именуется товарищем по перу, что позволяет предполагать гуманитарное образование и предрасположенность к литературным занятиям. Действительно, свои воспоминания он успешно беллетризует, хотя и без мелодраматичности и ущерба достоверности. Автор упоминает продолжительное проживание в Сибири. Вот, собственно, что можно почерпнуть из текста. Кроме того, он обнаруживает вполне «университетские» настроения своей молодости: мечты об освобождении, святость идеи Учредительного собрания.

Предполагая, что фамилия Савченко подлинная, обратимся к базе данных на участников Белого движения, составленной С. В. Волковым². В ней обнаруживается лишь один подходящий кандидат. Это Савченко Илья Григорьевич (1889–1961), есаул Кубанского войска, служивший в Добровольческой армии и ВСЮР. В мае – сентябре 1920 года он состоял в партизанском отряде на Кубани. В эмиграции во Франции – войсковой старшина; литературный критик и писатель. Что интересно, в справке отражено, что у него есть неопубликованное сочинение 1929 года «Кубанские повстанцы» на французском языке. Трудно сказать точно, о каком человеке в данном случае идет речь, но некое сходство

корпуса, а в феврале 1920-го вновь передана во 2-й Донской корпус. В феврале 1920 года дивизия включала 4, 5 и 6-ю конные бригады и четыре конно-артиллерийских дивизиона.

² Версия на январь 2014 года.

в описании однозначно есть. Савченко не кубанец, а донец, большую часть означенного срока он проводит на красной службе, а отнюдь не в повстанцах. Однако более близкой кандидатуры не обнаруживается. Напечатанный текст помечен 1920 годом, Галлиполи. Можно предположить, что Савченко успел перебраться в Крым и эвакуироваться с русской армией. Возможно, он ушел с Кубани с войсками С. Г. Улагая.

Автор правильно указывает ряд лиц комсостава тех соединений, в которых служил, в частности начальников 4-й конной дивизии генералов Лобова и Калинина. Н. П. Калинин командовал одно время 4-й Донской конной дивизией. Генерал Г. П. Лобов также командовал этой дивизией в октябре 1919 – феврале 1920 года. Упомянутый автором полковник В. П. Барцевич – незаурядный офицер, погибший в ЧК в 1920 году, в конце 1919 года возглавлял штаб 4-й Донской конной дивизии.

Можно предположить, что автор из тех «универсантов», которые с началом войны решительно выбрали офицерскую стезю.

Общая канва повествования такова. События, описываемые в мемуарах, обнимают всего несколько месяцев – с конца февраля по конец июля или начало августа 1920 года. Автор ориентируется на старый стиль, судя по датировке вступления красных в Екатеринодар. Интересно, что он пишет о появлении красных 6 марта, в то время как офи-

циальная дата взятия города красными – 4 (17) марта. Едва оправившись от возвратного тифа, И. Савченко оказывается в красном плену. Далее следуют регистрация, жизнь на квартире «до распоряжения», постепенное полное выздоровление. Савченко не желает мириться с новой властью, но понимает, что, будучи больным, он мало что может предпринять. Пока он внимательный наблюдатель. При регистрации недавний офицер не скрывает белой службы. В апреле возникает небольшой повстанческий штаб из группы офицеров, желающих продолжать борьбу. В его составе оказывается и Савченко. В красные части 9-й армии массово вливают недавно плененных чинов Вооруженных сил Юга России. Их так много, что в городе даже шутят: кто у кого в плену? Это позволяет налаживать связи в частях. На 1 мая назначен парад войскам. Заговорщики планируют окружить на площади революционные части и захватить город. Заговор раскрыт накануне парада. Савченко остался на свободе, но вскоре был арестован по обвинению в соучастии. Вынесенный смертный приговор помогает отменить его однокашник-коммунист, с которым автор встретился в первые недели плена. Вскоре Савченко совершает побег и далее живет уже с фиктивной биографией по подложным документам, хотя и сохраняет свою фамилию как распространенную на Кубани. Отныне в его прошлом белая служба не значится. Он вступает в Красную армию и в качестве разведчика, подпольщика старается наладить связи с недавними белыми в

красных рядах. Теперь его интересует карьерный рост и максимально независимое положение. Он получает должность заместителя командира запасного кавалерийского дивизиона 9-й армии. Савченко удается через верных донцов – нынешних красноармейцев – наладить связь с кубанскими повстанческими отрядами, он делится с ними информацией, распространяет антибольшевистские листовки. Развязка наступает после того, как его бдительный помощник-коммунист разоблачает связи командира с зелеными. Приходится экстренно уходить в горы. Автор упоминает известия об июльском десанте донцов полковника Назарова, но ни слова не говорит о гораздо более крупном десанте генерала Улагая непосредственно на Кубань. Очевидно, он ушел в повстанцы раньше, чем получил известия об этом событии.

Такова основная сюжетная линия повествования. Быстрые смены обстоятельств позволяют автору за короткий срок побывать в разных ролях. Он бессильный, едва живой пленный, он подсудимый трибунала, он участник красных вечеринок с высокими чинами, на которых недавние генштабисты и комиссары толкуют весьма дружно, он жесткий строевик в красной кавалерийской части.

Необходимо определить и общий контекст событий на Юге в последние месяцы перед крушением белого фронта. Вооруженные силы на Юге России под командованием А. И. Деникина в октябре 1919 года достигли наивысшего успеха. В их руках были Курск и Орел, войска вступи-

ли в Тульскую губернию; взятие Москвы рассматривалось как вопрос ближайших недель. Однако красный контрудар привел к глубокому отходу на сотни верст. В январе – феврале 1920 года упорные бои развернулись на нижнем Дону. В этих боях были весьма основательно потрепаны ударные соединения красных – 1-я конная армия и Конно-сводный корпус. Однако в целом успех склонился на сторону красных. Конфликт главного командования с Кубанской радой создавал для казаков-кубанцев соблазнительные поводы уклоняться от фронта. В результате 17 марта пал Екатеринодар, 27 марта – Новороссийск. Добровольцы и часть донцев оказались эвакуированы в Крым, десятки тысяч донских и кубанских казаков до начала мая оставались на черноморском побережье, и, в конце концов, были вынуждены капитулировать. Эти массы пленных наскоро зачислялись в красные части. Офицеры, как это делалось с первых месяцев советской власти, регистрировались и также устраивались на новую службу. Бесконечные регистрации и подробнейшие анкеты – квинтэссенция подневольной офицерской судьбы на советской территории.

Итак, автор попадает в плен, мучаясь возвратным тифом, на больничной койке, в забитом больными и ранеными Екатеринодаре. Последние дни кубанской белой столицы – это толпы раненых и больных, вши, отступление, безнадежность. С первых строк повествования узнаются сюжеты, характерные для многих белых мемуаров, повествующих об

отступлении. Вот поезд с ранеными и больными остановился в чистом поле, нервозность, в вагоне ставят пулемет. Такой же сюжет находим, например, в воспоминаниях Д. Мейснера³. Молодые белые добровольцы при появлении на горизонте кавалерии имеют одну заботу: успеть разуться, чтобы застрелиться из винтовки (на спусковой крючок должно нажимать пальцем ноги), так как револьверов нет. Офицеры возятся с пулеметами в вагоне, у них не ладится. По счастью, кавалерия оказалась своя. Подобные драмы, надо полагать, разыгрывались в сотнях схожих ситуаций. Заботливый казак-вестовой привычно обращается к своему офицеру «ваше благородие», по-старорежимному.

Захваченный лазарет быстро наполняется красными ранеными и больными. Впервые враги рядом. Сходные ощущения вспоминает другой белый мемуарист Волков-Муромцев. Только там красные раненые пленники оказываются в белом лазарете⁴.

Для Савченко еще незнакомо слово «буденовка». «Четыре человека в коммунистических островерхих шапках», – так напишет он о фигурах, явившихся в лазарет. Совсем по-другому смотрелись и именовались бы васнецовские «островерхие шапки» при победном завершении Великой войны!

³ См.: Мейснер Д. И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С. 91–93.

⁴ Волков-Муромцев Н. В. Юность: От Вязьмы до Феодосии (1902–1922). М., 1997. С. 327–328.

Автор оказался в американском лазарете по протекции, в положении лучшем, чем многие тысячи других. Идет поспешная эвакуация. Тяжелых больных и раненых не берут. Больной тифом начштаба Донского корпуса полковник Поливанов требует везти себя на вокзал, его не принимают в поезд, и он находит смерть на лазаретной койке. Очень выразителен бунт калек: безногие офицеры требуют эвакуировать их, требуют исполнения долга по отношению к тем, кто сам отдал свой долг сполна. Бессильный бунт ни к чему не привел, но он показывает, что белые офицеры от красных ждали только позорной и мучительной смерти – того, что случилось уже многократно в Гражданской войне. Однако на этот раз у побежденных возник повод удивиться. И. Савченко пишет о благодушном отношении вошедших в Екатеринодар красных к белым офицерам. «Снимай погоны, ваше благородие», – говорилось уверенно, но вполне примирительно. По хоже, победители чувствовали, что дело сделано, войне конец, и не испытывали ожесточения. К тому же город был сдан без больших боев.

В Екатеринодар вошел Д. П. Жлоба, командовавший с февраля, после ареста комкора Б. М. Думенко, Конно-сводным корпусом. Д. П. Жлоба – классический партизанский командир с опытом 1905 года, своенравный, имевший довольно сложную боевую судьбу за плечами, в том числе конфликты с сослу живцами, неподчинение, арест в конце 1918 года. Тем интереснее, что именно жлобинцы, красная воль-

ница, по приходе в Екатеринодар выказывали признаки как дисциплинированности, так и великодушия. По городу ходили слухи про приказ Жлобы о том, что Красная армия не Красная гвардия и никаких безобразий не будет допущено. Это очень характерно. Надо сказать, что затронутый Савченко сюжет психологически очень существенен для понимания настроений Гражданской войны. Дисциплинированная Красная армия – своего рода соблазн для русского офицера и интеллигентного обывателя. В 1917–1918 годах революция имела самый отталкивающий облик разнузданности, массовых расправ, отвратительного торжества вооруженного хама. В тех, кто пережил «еремеевские ночи» и всякого рода «ликвидации буржуазии», вторичное явление красных во второй половине 1919 – начале 1920 года вселяло надежду: они изменились.

Переживший целый калейдоскоп смен власти в Полтаве В. Г. Короленко писал о том, как большевики научились «входить»: порядок, дисциплина, предупредительность. Но теперь вместо грабежей и безобразий сразу же начинала функционировать Чрезвычайная комиссия. Короленко к этому времени не питал иллюзий, но многим государственная осанка большевистской власти импонировала и давала жизнь добрым предчувствиям. Свое свидетельство о «втором большевизме» оставил и Савченко. Удивительные вещи бросались ему в глаза. На военном кладбище Екатеринодара, бережно содержавшемся при Деникине, рядом с белым

участком возникает революционный. Интересно, что вандализма победителей на кладбище не было – еще одно свидетельство новых тонов в Красной армии по сравнению с эпохой красного добровольчества. Из той же области – паломничество красного начальства на «корниловскую ферму», к месту гибели белого вождя в 1918 году. Это резко контрастирует с поведением победителей в 1918 году, когда могила была осквернена и труп генерала в дикарском восторге предавали публичным поруганиям.

Мемуарист не перестает быть белым. Для него нет проблемы выбора пути. Однако ему интересны победители, среди которых он оказался.

До конца белой власти богатый Екатеринодар не имел недостатка в продовольствии и жил, в общем, вполне мирной жизнью. По приходу красных все разительно изменилось. «Все необходимое точно провалилось сквозь землю»: в продаже остались только прохладительные напитки и старый рахат-лукум. Частная торговля закрылась. Содержимое богатых особняков и магазинов стало переключивать в многочисленные советские учреждения. Уместно вспомнить платоновский «Чевенгур», описание первых нэповских дней: «Теперь Дванов увидел город не местом безлюдной святости, а праздничным поселением, освещенным летним светом. Сначала он подумал, что в городе белые. На вокзале был буфет, в котором без очереди и без карточек продавали серые булочки. Около вокзала – на базе губпродкома – висела сырая

вывеска с отеками от недоброкачественной краски буквами. На вывеске было кратко и кустарно написано: „ПРОДАЖА ВСЕГО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ. ДОВОЕННЫЙ ХЛЕБ, ДОВОЕННАЯ РЫБА, СВЕЖЕЕ МЯСО, СОБСТВЕННЫЕ СОЛЕНИЯ“». Савченко доводится увидеть обратный процесс. Жизнь стала настолько трудной и несуразной, что в городе бытовала уверенность в недолговечности большевистского правления. Вот Шкуро под Армавиром, Пилюк в плавнях под городом: на Кубани большевикам не удержаться. Парадоксально, что «немыслимость» большевистского устройства жизни часто работала на красных. Многим казалось, что такой порядок настолько нелеп и непродуктивен, что развалится сам собой. Надо только подождать. Сразу появился городской фольклор: убогие советские кооперативные лавки горожане именуют «советским Мюром и Мерилизом»⁵, совнархоз (совет народного хозяйства) превращается в совнархаос.

Новая власть неизменно рушила налаженный быт, будила самые низменные помыслы. В образцовом лазарете с приходом красных весь персонал остался прежний. Однако очень быстро, само собой, служба стала нестись небрежно, полы перестали тщательно мыть, младший персонал начал прекословить. Опять-таки, подобных наблюдений в ходе рево-

⁵ Мюр и Мерилиз – крупнейший российский торговый дом. Здание главного магазина в Москве на Петровке ныне занимает Центральный универсальный магазин (ЦУМ).

люции сколько угодно. Читатель может вспомнить и блистательные эпизоды из «Собачьего сердца»: «Пусть! Если социальная революция – не надо топить». В многочисленных клубах и кинематографах появлялись, как иронизирует автор, трогательные объявления с просьбой не грызть семечек, но помогали они мало.

Савченко подробно описывает, каким нехитрым, но верным способом втягивали интеллигенцию и чиновничество на советскую службу. Альтернатива, при стремительном огосударствлении всей жизни, оказывалась совершенно элементарной: или мой клозеты в качестве «общественных работ» и не имей куска хлеба, или ставь свою квалификацию на новую, советскую, службу и получай паек.

Однако автор видит и несломленных людей. Собственно, он сам таков. Мимоходом упоминается разговор о белогвардейской организации в буденновских частях. Сам он состоял в организации, готовившей восстание. Без подробностей автор упоминает о концлагерях, бунтах в них, побегах, неизменных расстрелах. Показательно, что находились немногочисленные штатские упрямы, которые сносили всякого рода общественные работы, но на советскую службу не шли. Автор пишет о екатеринодарском семействе, которое было искренно шокировано, увидев его в форме красного командира. Отношения восстановились, только когда он объявил, что вошел в ряды РККА как разведчик.

Савченко отмечает интересную разницу в проявлениях

большевизма в городе и станицах. За пределами города он был мягче, с настойчивым стремлением изымать ресурсы, но до времени не вмешивался во внутреннюю жизнь. Автор выводит такую формулу: «В станицах большевизм был коркой, под которой пульсировала, вопреки всем декретам, почти прежняя жизнь». Но все же не совсем прежняя. Очень любопытны наблюдения автора о проникновении нового быта в кубанскую станицу. Он пишет о том, что местная молодежь оказалась весьма падкой на «разврат», хулиганство, гулянье с красноармейцами. Девушки легко принимали подарки в виде награбленных колец, отрезков и т. п. Станичный врач жаловался на обширную клиентуру молодых казачек, о чем прежде и помыслить было нельзя. Малолетние дети играли в красных и белых. Все желали быть красными, стать комиссаром – верх удовольствия. И это происходило в семьях, из которых едва ли ни в каждой кто-то был в белых, погиб или скрывался в зеленых отрядах.

Савченко встречает однокашника – сотрудника политотдела 33-й стрелковой дивизии Красной армии. Перед нами разворачивается картина убеждений русского коммуниста с университетским значком. Да, революция – это насилие, нас понимает лишь малая часть России, народ – не более чем стадо. Но насилие во имя светлых идей. Предстоит глубокая переделка человеческой психики. Таков ход рассуждений рационального коммуниста. Вскоре состоится встреча со старым университетским другом – также политработни-

ком и убежденным коммунистом. Автор улавливает мотивы, уже знакомые ему по недавней аналогичной беседе: насилие как принцип, народ – ребенок. Революцией надо пользоваться, так как латать тришкин кафтан бесполезно, нужны настоящие перемены. «Страшно интересно жить», «мировой сдвиг» все равно состоится, даже если и не победим. Интеллигентный коммунист при этом видит ужас Чрезвычайки. Савченко подробно передает эти беседы, видно, ему самому они были интересны и нужны. Он делает вывод: нынешние большевики не только разрушители, но и фанатики новой жизни. Это очень глубокая тема. Савченко имел возможность видеть, как формируется советская номенклатура: новоназначенный министр торговли и промышленности Сибири – консерваторский студент. И он даже готов почитать книги о Сибири, в которой не бывал – «подготовиться» к должности.

Сослуживцы автора уже по Красной армии – интеллигент с университетским образованием, бывший меньшевик, а ныне партийный коммунист, комиссар инспекции кавалерии армии, Понамарев, командир и комиссар запасного кавалерийского дивизиона, который не преминул заявить, что ехал с Лениным в plombированном вагоне (в доступных списках такой фамилии не значится, поэтому, видимо, он привирал и таким образом добирал себе веса). Последний – человек не военный, циник, легко забывающий о службе, когда есть на кого ее свалить, молодожен, более всего хлопочущий о пере-

езде к себе супруги. При этом, по мнению Савченко, обладатель некоего секретного мандата от самого Ленина, который обеспечивал ему особое положение в местной большевистской иерархии. Будучи арестованным, наш герой попадает к следователю-интеллигенту. Это не облегчало участи арестованного, но избавляло от мордобойных приемов следователей из низших сословий, которые сводили весь допрос к скорейшему получению признательных показаний.

Сверхреволюционный буденовец в лазарете грозит перебить всякую контру, но под подушкой держит узелок с награбленными драгоценностями. Савченко видит и классического революционного пройдоху, который понимал всяческое комиссарство как кратчайший путь к обогащению и выходу в начальство.

Вообще, официальный коммунизм, как он видится автору, и его реальные проявления составляли причудливые контрасты.

Имея несколько свободных недель как выздоравливающий пленный Савченко много видит в городе, который на глазах превращается в коммунистический центр. Очень ценны наблюдения пленника о первых неделях красной власти. В годы Гражданской войны выходил журнал «Революция и церковь», в котором печатались подробные отчеты о вскрытии мощей святых. И Савченко видит, что цветные плакаты подобного содержания быстро возникли на заборах «освобожденного» Екатеринодара. Он замечает автомобили, с ко-

торых разбрасывается агитационная литература. Как грибы после дождя растут всевозможные клубы. На перекрестках улиц устанавливали граммофоны, и улица оглашалась выступлениями Ленина, Троцкого и других вождей. Столь же активно создавались библиотеки, которые, собственно, не являлись таковыми, а представляли собой агитпункты. В этих библиотеках обнаруживалась только агитационная литература, которую можно было не возвращать, а, напротив, следовало «передать товарищу». Книги дореволюционного издания могли выдаваться лишь по особым распоряжениям. С горечью пишет автор: «Интеллигенты стояли за библиотечным прилавком и раздавали коммунистическую литературу, которая призывала к погрому интеллигенции и буржуазии».

Вообще, искусству уделялось повышенное внимание. Стремительно возникали студии, театры, вечера, на которых царили футуристы.

Савченко берется читать бухаринскую «Азбуку коммунизма», которую, еще более вульгарно, чем диктует сам оригинал, представлял полуграмотный агитатор. Тем временем приходится осваивать заново и обыкновенную азбуку. Уже на красной службе рапорт автору приходится переписывать трижды – «ять» и «твердый знак» «предательски проскакивали на свои места».

В напористой агитации в ходу выражения типа «Крестовый поход против буржуазии». Подобные обороты в револю-

ционные годы встречались нередко. В одной из провинциальных корреспонденций было написано про деятельность контрреволюционеров: «Призвав на помощь всех богородиц, начали свою дьявольскую работу». Красная агитмашина переосмысливала и пускала в оборот привычные фигуры речи.

С массами только что плененного офицерства новые власти поначалу ведут себя лояльно. Собираются офицерские митинги. Недавний штабс-капитан, а ныне красный командарм-IX Левандовский выступал эффектно, офицеры хлопали. Комиссар армии, опять-таки с университетским значком, рассуждал о том, что белые генералы – выскочки, а весь лучший генералитет – в Красной армии. Комиссар называл и имена тех людей, которые красными не были или позднее перешли к белым. Наряду с Брусиловым, Гутором, Зайончковским, Каменевым (отнюдь не генерал!) назван и Андогский, перешедший к белым, и Лечицкий, весьма условно состоявший в РККА несколько месяцев до своей смерти. В положении офицерства предсказуемый разброд. Кто-то начинает искать пути в армию победителей, кто-то выжидает. Лишь небольшая часть пытается организовать восстание. К штабу подпольщиков примыкает и автор. Об этом в воспоминаниях говорится очень скупое. Он замечает вскользь, что к заговору примыкали и старые красноармейцы. Идея заключалась в том, чтобы поднять восстание во время Первомайского парада, замкнуть на площади отборные части, выведенные на па-

рад, и захватить власть. В ночь перед выступлением последовали аресты. На заборах появился список из 25 расстрелянных. Многочисленное офицерство согнали в концлагеря. Савченко пишет о страшном лагере на кирпичном заводе. В других импровизированных лагерях режим был гораздо спокойнее. Еще одна черта эпохи – абсолютное своеволие местных начальников. Автор уцелел, но надежды на переворот пришлось оставить. Интересно, что в этот же красный праздник инцидент произошел и в Ростове-на-Дону с участием 1-й конной армии. Заключенный Б. М. Думенко кричал в окно, что армия его, а не Буденного. В рядах некоторых частей было движение за освобождение Думенко из-под стражи⁶. Большевицские карнавалы бывали опасны для самих их организаторов! Летом 1920 года последовала очередная офицерская регистрация, на этот раз весьма глубокая, захватывавшая и тех, кто уже два года служил в РККА. Автор вновь на весьма опасной грани, но сослуживцы освобождают его от угрозы разоблачения. Феномен регистрации отмечен во многих мемуарах. Офицеры не у дел, без привычной среды, без средств к существованию оказываются весьма податливы на всякого рода устрашения. Например, перспектива высылки на север очень быстро склоняла к позорной петиции в пользу советской власти, которую готовы были подписать

⁶ См.: *Новак В.* Кавалерия Семена Буденного на фронтах Гражданской войны в России и польско-советской кампании (1918-1920) // «Атаманищина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и мат-лов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2015. С. 350.

многие регистрируемые. Революция вообще умела заходить с «неудобной» стороны.

Воюя два года, видя противника на фронте, видя пленных, Савченко вдруг очутился в русской, но вражеской, да еще и победившей армии. Ему остро интересно узнать, чем она живет, чем отличается от привычной ему военной среды. Мемуарист высказывает тонкое соображение: «...воюя с большевиками, не видел настоящего большевика. В бою ведь не видишь человека».

Он замечает, что комсостав из прежних офицеров циничен и уверен в скором падении той власти, которой служит. Давно состоящие в РККА офицеры убеждены в том, что к моменту «развешивания на фонарях» комиссаров вполне успеют оказаться единственной организованной силой. У одного из таких георгиевский крест на брелоке для часов. И в то же время генштабист поет гимны «универсальной республике», офицеры мечтают о военном марше в Венгрию, пьют за революционера Петра Великого. «Коммунизм – для простого народа», – легко говорят в своем кругу красные командиры. В импровизированном салоне сходятся недавние штаб-офицеры и комиссары, идет крупная карточная игра. Притихшие местные «тузы» послушно проигрывают большие суммы новым хозяевам жизни. Здесь яства, дамы, карты – все то, что так не соответствует революционной улице и казарме.

Наряду с этим автор слышит и правдивый рассказ победи-

теля поневоле. Полковник, взятый в РККА, одерживает серьезные победы над белыми со своей дивизией. Хотя сам им не рад. Но полки, как назло, послушные, солдаты хорошие, комиссар все время рядом. Он сердцем с белыми и не боится вести об этом рискованный разговор. Однако судьба вывела его в красные победители. В воспоминаниях А. И. Деникина в качестве близкого по содержанию примера приводится случай с пленением красного артиллериста, недавнего офицера. Вопрос: почему так хорошо стреляли по нам? Ответ вполне искренний: профессиональная привычка.

В офицерских разговорах, участником которых становится мемуарист, всплывают интереснейшие сюжеты. Так, кавалерия считается ненадежным родом войск, хотя и одержала недавнюю победу на Юге. Много говорится о мнимой или реальной измене Думенко. Будучи белым, наш герой сражался с Конно-сводным корпусом и слышал о его записке белым с заявленным о нежелании драться с казаками. Как будто генерал В. И. Сидорин, командовавший Донской армией, хотел одним ударом покончить и с думенковцами, и с буденовцами, и потому удерживал Думенко от перехода, выжидая удобного момента. При этом высокий чин из фронтовой инспекции кавалерии утверждал, что якобы начштаба Донской армии генерал А. К. Кельчевский, в свою очередь, вел переговоры с красными о сдаче Донской армии, так как из-за конфликтов с Главным командованием казаки готовы бы-

ли головами офицеров купить мир и прощение. Не обсуждая достоверности всех этих разговоров, отметим, что они ведутся красным начальством довольно свободно. Вопрос о том, что же дальше, видимо, возникает и у бывших офицеров, которые прочно связали свою судьбу с красными.

Новые хозяева жизни – кавалеристы-жлобинцы – деньги носили в портфелях, так как кипы бумаги никак не уместить в кошельках или карманах. К низовой же красной аристократии относились прежде всего кавалеристы – добровольцы с 1918 года – буденовцы, думенковцы, блиновцы и другие. Любопытное наблюдение: наказанием для провинившихся красных кавалеристов служил перевод в пехоту. После такого решения командира, как правило, следовало дезертирство. Таковы своеобразные представления об иерархии и дисциплине в самых, казалось бы, надежных, ударных красных соединениях.

Красная казарма жила весьма интенсивной жизнью – красноармейские театры, кинематограф, беспрестанная агитация. Для красноармейцев открывались столовые-клубы, в которых подавали пиво и соленые огурцы под стихи Демьяна Бедного, воспроизводимые через граммофон.

Савченко признает, что нынешний красный офицер ближе к красноармейцу, чем прежний. Казарма – действительно его дом. Интересно, что Савченко отмечает полную справедливость царской учебной команды: сверхсрочные унтер-офицеры дали красной коннице вполне удовлетвори-

тельные кадры эскадронных и полковых командиров. Красноармейцы любили красного офицера, но ценили старого, понимая, что в боевой обстановке именно его знания могут спасти жизнь. В Екатеринодаре собираются десятки тысяч недавних белых. Тысячами прибывают плененные под Новороссийском. Казаков без больших проверок сразу направляют по частям Красной армии. Многие тысячи вчерашних белых, прежде всего казаков, в красных рядах приходят к убеждению, что надо «восстание делать». Однако как? В красной казарме начинается параллельная жизнь. Недавние белые осваивают известное панибратство с младшим составом, в то же время за пределы своего круга никакая лишняя информация не уходит, казаки скрывают своих офицеров, которые поступили в РККА рядовыми, уклонившись от учета. Когда мемуарист становится замкомандира запасного дивизиона, он видит жизнь немногочисленной, в 50–60 человек, дивизионной ячейки. У красноармейцев-коммунистов – свой клуб, с пивом и чаем, лучшее обмундирование; они не несут хозяйственных нарядов, могут получать по твердым ценам товары в красноармейском кооперативе, что открывало дорогу к выгодной спекуляции. Эта картина вопиюще противоречит долгое время каноническому образу отважного коммуниста-бессеребрянника. К тому же на ячейке лежала и малопочетная обязанность внутреннего наблюдения за своими сослуживцами. Знаменательно, что и квартирохозяева в кубанских станицах также делят красных на

коммунистов и подневольных. Так, на постое в кубанских станицах донцы-красноармейцы беззастенчиво грабят сады. Дело в том, что на недавней белой службе донцы имели большую обиду на кубанцев, оставлявших фронт. Теперь мотивация путается, белая смешивается с революционной: мы все потеряли, теперь пусть будет равенство, воевать не хотели, терпите сейчас!

Интересно и то, что многочисленным недавним рядовым белым не страшно поругивать начальство, находясь в красном строю. Слова, которые моментально и трагично отразились бы на судьбе бывшего офицера, вполне сходили с рук казаку-красноармейцу. Советская власть умела проявлять выдержку. Донцы же видели врагов в «жидах» и «коммунистах». Адреса ненависти не новы. Любопытнее другое: такой настрой устойчиво жил в красных добровольческих казачьих формированиях с 1918 года⁷. И именно это добровольческое ядро красной конницы и дало большевикам победу – еще один знаковый парадокс Гражданской войны.

Савченко касается такого интересного и малообеспеченного источниками сюжета, как взаимоотношения красных и зеленых. Кубанская рада и главное командование ВСЮР находились в весьма не простых взаимоотношениях. Ключевым моментом стал известный разгон в ноябре 1919 года Рады решением Главного командования. Областничество ца-

⁷ См.: О Думенко и красных партизанах // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне.

рило на Кубани или сепаратизм — по этому поводу можно долго спорить. Полемика по поводу внешней политики А. И. Деникина, кстати, активно продолжалась и в эмиграции. Так или иначе в месяцы отступления, в зиму 1919–1920 годов, на Кубани появились зеленые, которые внесли известный, хотя и не определяющий, вклад в крах белых войск. Возглавлял эти импровизированные повстанческие войска член рады сотник М. П. Пилюк.

Заняв Кубань, красные действовали по безотказной схеме. Сначала зеленчукам пообещали сохранение их внутренней организации в составе Красной армии. Савченко даже видит собственными глазами начальника «зеленой дивизии», к которому обращаются офицеры с просьбой прояснить их участь. Однако очень быстро зеленая атрибутика стала поводом для обвинения в контрреволюции, пилюковцев начали вливать в ряды 21-й советской стрелковой дивизии. Самостоятельных союзников красные терпели совсем недолго, судя по рассказу автора, недели две. Мемуарист встречается с Пилюком уже в кубанских плавнях. Пилюк сидит в окрестностях родной станицы Елизаветинской в 15 километрах от Екатеринодара со считанными соратниками, никаких войск уже и в помине нет, как и красных обещаний оставить все как есть на богатой Кубани. Подобным же образом разворачивались события и по соседству, в богатой Черноморской губернии. Зеленое движение там тоже

было умело оседлано большевиками⁸. По словам Савченко, Пилюк производил впечатление вполне заурядного неразвитого офицера. Действительно, он офицер по выслуге. Такие люди, попав в водоворот общественной жизни, легко оказывались жертвами демагогии, примитивного славолубия, на чем легко играли большевики.

Данные о Пилюке в исторической литературе серьезно разнятся. Так, А. В. Баранов дает следующую справку: «Пилюк Моисей (в просторечии – Мусий) Прокофьевич – казак станицы Елизаветинской, середняк. Сотник, член Кубанской краевой рады в 1919–1920 годах. Сторонник „самостийности“ Кубани, симпатизировал эсерам. В конце 1919 года возглавил массовое восстание казаков-черноморцев против Деникина. С приходом большевиков к власти поддержал их, в июле 1920 года назначен председателем комиссии Кубано-Черноморского облревкома по борьбе с „бело-зелеными“. В сентябре 1920 – январе 1921 года – фактический руководитель казачьей секции областного ревкома. В январе 1921 года избран кандидатом в члены облизполкома Советов. Убедившись в преднамеренности „рассказачивания“, в январе 1921 года бежал с семьей в горы, где возглавил политотдел Кубанской повстанческой армии. Считался идеологом КПА. В октябре 1921 года пойман, осужден. После

⁸ Подробнее о зеленых Кубани и Черноморья см.: *Черкасов А. А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии.* Сочи, 2007.

тюремного заключения вернулся в станицу Елизаветинскую психически больным»⁹. Согласно базе данных С. В. Волкова, Пилюк Моисей произведен в офицеры из нижних чинов артиллерии Кубанского казачьего войска в 1917 году, сотник, служил во ВСЮР; в 1919–1920 годах – член Кубанской Рады, затем предводитель отрядов зеленых, в 1921 году арестован, сослан.

По данным Савченко, Пилюк уже летом 1920 года сидит в плавнях вблизи родной станицы, никаких значительных сил при этом не имеет. Возможно, «бумажная» жизнь легального Пилюка на красной службе и реальная жизнь сотника Пилюка в эти месяцы элементарно разошлись.

Савченко в кубанских станицах демонстрирует показную свирепость в качестве начальника гарнизона, чтобы возбудить ненависть к красным, и тут же распространяет воззвания от вымышленного повстанческого штаба с призывом не покоряться и продолжать борьбу, налаживает связи с зелеными отрядами, снабжает их информацией. Белому подпольщику приходится действовать почти в согласии с его самоуверенными знакомыми-коммунистами: народ – ребенок, без насилия ничего не сделаешь. Действительно, известия о борьбе новых, теперь уже бело-зеленых, неутешительны: они разобщены и немногочисленны. В то же время в кубан-

⁹ Баранов А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) // Белая гвардия: Альманах. № 8. Казачество России в Белом движении. М., 2005. С. 119–129.

ских станицах рождаются легенды о героях. Главная персона в них – генерал Фостиков, действительно создавший наибольшее многочисленное и боеспособное повстанческое соединение на Кубани. Кубанцы бережно хранят и память о Корнилове. При этом всплывает местный эпизод из монархической легенды: якобы при штабе Корнилова в 1918 году состояла некая сестра милосердия Татьяна, при появлении которой все присутствовавшие неизменно вставали; в ней предлагалось видеть великую княжну Татьяну Николаевну.

Наблюдение за первыми неделями и месяцами «второго большевизма» на Кубани вообще показывает, на наш взгляд, два важных сюжета.

Во-первых, демонстрируется жизнестойкость, естественность тех самых «отживших» и «прогнивших» корпоративных, сословных, бытовых норм и установлений, которые как будто должны на глазах умирать под натиском революции. Однако, напротив, недавние офицеры независимо от распределения по разные стороны междоусобицы вместе чувствуют себя представителями одной среды. Новые хозяева жизни стараются подражать прежним. Красные офицеры и комиссары охотно посещают полуподпольный салон с умеющей принять гостей хозяйкой, наезжающее в станицы красное начальство требует подавать на стол «по-господски» и т. п.

Во-вторых, очевидна вполне серьезная заявка победителей на создание нового мира и нового человека. Большевики демонстрируют невероятно активный, феноменальный

революционный напор. Это отнюдь не романтический порыв к новой жизни, как впоследствии было принято считать. Это программа, причем программа для неуклонного исполнения. И препятствия на пути должны безжалостно устраняться. Интеллигенты-коммунисты не питают иллюзий ни относительно народа, ни относительно тех, кого используют из временной необходимости, прежде всего офицеров. Революционный проект настолько глобален, что у этих людей превалируют мотив интереса – в интересное время живем – и нежелание упустить шанс, уж коли он выпал, все начать заново. Отсюда и жестокость отнюдь не садиста, а естествоиспытателя. Читатель может сам порассуждать о том, какого рода жестокость к «социальному материалу» лучше. В партийных низах же – масса откровенных мазуриков, лодырей и приспособленцев, сами ответственные партийцы жалуются на отсутствие работников.

Мемуары Ильи Савченко – это острый и свежий взгляд врага на молодую Красную армию и агрессивную красную государственность, взгляд изнутри.

«Зеленая Кубань» – это также весьма интересный текст, очень живо написанный. Показательны характеристики старших начальников повстанцев, Пржевальского и Фостикова, и их разные подходы к организации повстанческой борьбы. Читатель может наблюдать, сколь причудливо могли складываться предпочтения и симпатии в разворошенной войной стране. Черноморские крестьяне – враги пришед-

шим голодным казакам — помнят о том, как недавно саранчой прошлась по богатому краю отступавшая армия Шкуро. В ничейной зоне между Черноморской губернией и Грузинской республикой благоденствуют русские и эстонские садоводы... Видение И. Савченко есть с чем сопоставить, и оно становится еще одним кирпичиком в строительстве истории кубанского казачества в смутные годы. Однако автор в этом тексте гораздо менее заметен. Он, скорее, наблюдатель, хотя активно участвует в повстанческой эпопее.

Воспоминания будут интересны даже тем, кто прочел сотни воспоминаний русских офицеров.

А. В. Посадский

В Красном стане. Записки офицера

Часть первая¹⁰

I. Приезд в Екатеринодар. – Вокзал. – Эвакопункт. – Американский лазарет. – Начало эвакуации. – Бунт раненых. – Плен

В конском вагоне меня довез мой вестовой, казак Яков Мельников, до Екатеринодара. Дорогу помню смутно. Вспоминается конская морда, дышащая теплым дыханием мне на голову; припоминаю, что наш поезд остановился где-то в чистом поле и зачем-то в нашем вагоне поставили пулемет. Вероятно, померещились вблизи красные.

Приехали мы в Екатеринодар ночью. Первый приступ возвратного тифа, видимо, проходил у меня, так как я двигал ногами и доплелся через бесконечное станционное железнодорожное полотно до вокзала в надежде здесь дожждаться

¹⁰ Печатается по: *Савченко И. Г.* В красном стане: Записки офицера // Русская мысль: лит. – полит. изд. / под ред. П. Струве. Прага; Берлин. 1923. Кн. VI–VIII. С. 186–228; Кн. IX–XII. С. 114–151.

утра, чтобы затем попасть на эвакуационный пункт и получить отсюда назначение в какой-нибудь лазарет.

На вокзале была обычная картина отступления армии: все скамьи, стулья, столы, стойки и пол были завалены больными и ранеными солдатами и офицерами. Пройти через станционное помещение было делом нелегким: приходилось идти не по полу, а по лежащим в серых шинелях стонущим, бредящим, мнутущимся в агонии существам. Вся эта больная, завшивленная серая масса валялась здесь в чаянии лазаретной койки. Многие ожидали неделями. Но лазареты были так колоссально забиты искалеченными, обмороженными и тифозными, что некоторые здесь же, на вокзале, на сыром грязном полу, находили вечный покой и отдых от нечеловечески трудного похода во имя Великой, Единой и Неделимой...

Был конец февраля 1920 года. Весна уже заметно входила в свои права, но все же еще было сыро и холодно, особенно для нашего брата – больного.

– Ваше благородие! Тут нечего нам оставаться. Вша одолеет, – сказал мне мой верный Мельников. – Идешь, а она под ногой хрустит. Тут ейное царство.

Мельников был старый казак и, несмотря на революционные годы, не мог отказаться от старой привычки говорить «ваше благородие».

– А куда же нам деться? До утра ведь еще часов пять-шесть.

– Лучше на дворе переночуем. Ведь заедят они вас. А мы в бурку закутаемся, ноги полушубком завернем, – нянчился со мной Мельников.

Прошли мы по живым трупам через вокзал. Перед вокзалом расположен маленький сквер, где под каждым деревом лежал кто-нибудь и спал. Мельников довел меня до дерева, приставил к нему, чтобы я не упал, и принялся расчищать землю для моей импровизированной кровати. За неимением веника или чего-нибудь другого подходящего для такой работы, он обнажил шашку и принялся ею скоблить землю, заботливо очищая ее от паразитов, которыми, по его мнению, была покрыта вся русская земля.

– Да хватит уже, Яков! Уложи меня, сделай милость, поскорее!

– Еще одну минуточку потерпите, ваше благородие! Апосля же будет вам спокойнее...

Он завернул меня в бурку, в одеяло, в полушубок и, как нянька, всю ночь подтыкал под меня всю эту сложную покрывку, боясь, как бы его офицер не простудился.

Утром Яков под руки привел меня на эвакуационный пункт. Тут творилось что-то неопишное. Весь двор эвакуационного пункта кишел больными и ранеными. Длинной вереницей, по одному вся эта беспризорная тысячная орава, толкаясь и ворча, протискивалась в двери амбулаторного приема для освидетельствования. Прием до 12 часов дня. Сколько же останется непринятыми и вынужденными ожидать завтрашней

давки и толкотни у дверей эвакуационной комиссии? У протиснувшихся счастливых комиссия констатировала тиф, ранение или еще что-нибудь, снабжала серую шинель бумажной, указывающей очередь поступления в лазарет и госпиталь, — и этим дело кончалось.

Начинались дни, а то и недели ожидания на вокзале или под деревом в сквере койки в лазарете.

Екатеринодар забивался ранеными, эвакуированными с пунктов, оставляемых красными...

Мне посчастливилось: при эвакуации из дивизии начальник дивизии генерал К. снабдил меня личным письмом к старшему врачу американского лазарета в Екатеринодаре, и меня приняли без всяких очередей. Нашлась койка, моему вестовому неофициально разрешили быть при мне.

Прошел день, другой... Я чувствовал себя очень плохо. Когда температура немного спала и я стал понимать, что делается вокруг меня, я узнал, что со мной в палате лежит начальник штаба 2-го Донского корпуса Генерального штаба полковник Поливанов. К составу этого корпуса принадлежал и я. Полковник Поливанов тоже был в тифе и тоже только-только стал приходить в себя.

— Дела плохи... Был у меня сегодня казак из штаба... Мы отходим... Что это только будет... — говорил Поливанов.

Вечером 3 марта лазарет засуетился. Врачи обходили все палаты и составляли список для эвакуации. Записывали только раненых и выздоравливающих, инфекционные в спи-

сок эвакуируемых не включались.

Я чувствую себя совершенно бессильным, но мне передается общая нервность настроения палаты. Я собираю остаток сил и прошу доктора эвакуировать меня.

— Я чувствую себя ничего... Я могу сам двигаться... — уверяю я врача еле ворочающимся языком, с полужакрытыми глазами, почти в бреду.

— С такой температурой нельзя. Подождите, спадет температура, и вас отправим, — говорит доктор.

Полковнику Поливанову надоело просить; он приказал своему вестовому одеть его и везти на вокзал. Врач запротестовал, но Поливанов все же поехал. К вечеру возвращается — не приняли. А ночью он скончался.

Это было 4 марта.

Около меня дежурит круглые сутки Яков.

— Ты, смотри, не брось меня. Вывези... Одень и положи на какую-нибудь повозку... Обозы все время идут через город... Смотри, может, наши пройдут...

— Слушаюсь, слушаюсь. Доктор не велит вам разговаривать, ваше благородие!

А за окном в это время тянутся поспешные вереницы обозов и войск. Сквозь тифозную дремоту и полузабытье слышу артиллерийскую стрельбу где-то совсем близко. Слышны пулеметы. Долетает чей-то разговор, что большевики под Екатеринодаром.

Температура у меня все растет; сестра меняет компресс

за компрессом.

Моя палата переполнена офицерами, наперебой требующими, чтобы их эвакуировали.

– Вы не смеете бросать нас! – кричит безногий офицер. – Это предательство! Почему я нужен был, когда у меня были ноги, а теперь меня бросают. Это бесчестно! Я требую, чтобы меня эвакуировали!

– Дорогой мой! Вокзал до крыши набит. Уже никого не принимают!..

– Пусть здоровые вылезут из вагонов и идут пешком; пусть защищают поезда с ранеными. Это долг честной армии! Господи, да неужели же нет честных людей, которые пошли бы на вокзал и кричали о долге армии? – возмущается другой безногий офицер.

– Дайте нам вещи наши, мы на костылях пойдем, займем позиции под Екатеринодаром и лучше умрем в бою, чем ожидать расстрела на лазаретной койке!

Вещей не давали. Начинался лазаретный бунт. Раненые и больные сползали с кроватей и пытались выкарабкаться из лазарета на улицу, чтобы хоть как-нибудь уйти от надвигающегося плена.

Со стонами от боли, судорожно корчась, ползут бунтующие калек по лестницам, скатываются вниз. Коридоры и палаты наполнены нечеловеческими воплями. Санитары водворяют на места восставших против плена и расстрела бес- сильных калек.

Я пытаюсь тоже встать с кровати, но не могу поднять отяжелевшую, точно свинцовую, голову.

— Яков, а где мой наган?

— Спите, ваше благородие, спите...

Ночью Яков ушел. Перекрестил меня и ушел с последними обозами, спешно громыхавшими по мостовым Екатеринодара, направляясь к мосту через Кубань.

6 марта утром в Екатеринодар вошел красный генерал Жлоба.

II. Батарея у собора. – Красные визиты. – Сотрудник политотдела. – Буденовец. – Комиссар Сибири. – Газета «Красная Кубань». – Лазаретные митинги. – «Азбука коммунизма». – Выписка из лазарета

Приступ возвратного тифа окончился, и я, хотя и ослабевший, мог кое-как шевелиться.

Где-то совсем близко работает батарея, отчего стекла в окнах моей палаты судорожно дребезжат и чуть не лопаются.

— Чья это батарея? Наша? Красная?

Доносится «Марсельеза»...

Пробираюсь к окну. Собор, площадь... А вот и батарея. Две пушки. Прямо под окнами лазарета. Реет около пушек

победное красное знамя. По Красной улице идут стройные эскадроны с песнями. Скачут ординарцы...

В плену...

Я еле дотащился до кровати. Подходит сестра милосердия, укрывает меня, гладит по голове.

— Успокойтесь, больных они не тронут. Мы все будем просить, молить их. Я ночью из вашей полевой сумки достала все ваши документы и сожгла их, а вестовому вашему велела забрать с собою вашу шашку и револьвер. Он, бедный, плакал, когда крестил вас на прощанье.

Я заснул, и когда проснулся, то увидел на пустовавших койках новые лица. Рядом со мной, слева, чье-то молодое, хорошее лицо, совсем молодое. Бледно-золотые кудри красиво обрамляли его и капризными, непослушными кольцами свисали на матовый, скульптурный лоб.

Это уже красные.

Рассматриваю своего соседа, он — меня.

Чувствую, что совершилось нечто значительное и ужасное. Я окружен врагами... Вот один, другой, третий. Они тихо лежат на своих койках среди нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.